

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-722-736

Уровень этноконфессиональной толерантности в Саратовском регионе*

И.А. Бегинина¹, С.Г. Ивченков¹, М.С. Ивченкова²,
Н.В. Шахматова¹

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского

Ул. Большая Казачья, 120, корп. 7, Саратов, Россия, 410012

²Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, Россия, 117218

(e-mail: begininaia@info.sgu.ru; ivchenkovsg@mail.ru;

m.ivchenkova@gmail.com; nadezhdashakhmatova@yandex.ru)

Этноконфессиональные взаимоотношения в полиэтнических регионах отличаются динамизмом и выстраиваются как под влиянием процессов глобализации и роста горизонтальной мобильности, так и под воздействием повседневных практик населения. Все эти факторы определенным образом структурируют общественное мнение и определяют степень толерантности регионов и России в целом. Цель работы — оценка уровня этноконфессиональной толерантности населения в полиэтнической среде Саратовской области. В статье представлены результаты социологического опроса, проведенного в марте 2018 года в городе Саратове и одиннадцати районах области. Опрос показал, что степень принятия человека иной национальности обратно пропорциональна величине социальной дистанции. Уровень религиозной толерантности населения также высок, но не увязывается с размером социальной дистанции. Согласно полученным данным, подавляющее большинство опрошенных не сталкивались с нарушениями национальных или религиозных прав, а среди тех, кто реально испытывал национальную дискриминацию (лично или близкое окружение), это выражалось в форме игнорирования, оскорбления и насмешек, сложностей при приеме на работу, угроз и физического насилия. В целом низкая степень распространения прямых форм негативного этноконфессионального отношения подчеркивает достаточно высокий уровень толерантности в Саратовской области. Межнациональные отношения саратовцев с представителями кавказских народов более рискогенны, чем с представителями народов, традиционно селившихся на территории области (украинцы, татары, казахи, евреи, башкиры, поволжские немцы). Несмотря на доминирование положительных оценок национальной политики, она все же нуждается в корректировке с учетом особенностей региона.

Ключевые слова: толерантность; общественное мнение; этническая толерантность; конфессиональная толерантность; идентификация; конфликт

Современные процессы глобализации, с одной стороны, и регионализации — с другой, отражаются в противостоянии двух тенденций: стремлении к социально-культурной этнической идентификации и социально-культурной унификации. Этнические и конфессиональные составляющие определенным образом структу-

* © Бегинина И.А., Ивченков С.Г., Ивченкова М.С., Шахматова Н.В., 2019.

Статья поступила 23.01.2019 г. Статья принята к публикации 23.04.2019 г.

рируют общественное мнение населения и определяют степень толерантности регионов и России в целом. Исследование этноконфессиональной толерантности актуализируется в условиях резко возросшего расслоения населения по критерию материального достатка, усиления миграционных потоков, возрастания роли религии и этничности [18]. Хрупкость и динамичность этноконфессиональных отношений требует своевременного и научно обоснованного анализа государственных и муниципальных органов власти, что требует постоянного социологического мониторинга межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений в современной полиэтнической среде, в том числе — в многонациональном принимающем регионе, каким является Саратовская область.

Межэтническое и межрелигиозное социальное взаимодействие постоянно находятся в поле зрения этносоциологии [1]. Социологический анализ межэтнических отношений в регионах России проводится в контексте их гармонизации, т.е. сохранения этнокультурной идентичности всех групп: в частности, изучаются факторы, провоцирующие этническую нетерпимость, реакция общества на приток инокультурных мигрантов [1; 6; 14]. Исследования последних лет показывают, что этническая и конфессиональная ситуация в стране динамична и неустойчива [5; 15; 19]. Сегодня в России, прежде всего в крупных городах, имеют место проявления экстремизма, насилия и агрессии, заметен и радикальный национализм, который разделяет россиян по этническому признаку и препятствует утверждению общероссийской идентичности [13].

Феномен толерантности уходит корнями еще в античность: первоначально ее определяли как лояльное отношение к людям с другими религиозными взглядами. И. Кант считал, что толерантность предполагает существование мотивации индивида участвовать в жизни социума, но сама по себе мотивация не является достаточным условием познания и полноценной толерантности — важно равенство сторон в возможностях реализации своих взглядов [9. С. 28]. П. Николсон выделил основные признаки толерантности, которые интегрируют такие признаки, как невмешательство и ненасилие: «несмотря на свое моральное несогласие с нетривиальным для него отклонением в нормах, толерантный субъект, следуя своеобразному императиву толерантности, все же не отторгает это отклонение и не старается помешать его существованию» [22. С. 146].

В России понятие толерантности появилось в XIX веке в либеральной среде как синоним терпимости, потом было забыто и вновь актуализировалось в конце XX века с более широким спектром значений [26]. Так Л.Х. Батагова [2] полагает, что этническая и межконфессиональная толерантность — залог государственной безопасности страны. Д.С. Батарчук [3] подчеркивает, что этническое разнообразие требует от каждого человека понимания, уважения и принятия другого. С.В. Колесова [12] рассматривает толерантность как антипода ксенофобии и подчеркивает опасность последней в молодежной среде. К.М. Ольховиков [24] показывает взаимосвязь толерантности с моралью и религиозностью общества. Л.И. Сосковец [28] увязывает религиозную толерантность со свободой совести и исповедания, а Г.О. Цверианишвили [31] и А. Циприс [32] считают толерантность неотъемлемой частью повседневной и гражданской активности современ-

ного человека. Многие авторы проводят границу между понятиями толерантности и терпимости [4; 10; 16], например, отмечая, что понятие толерантности шире терпимости и предполагает добровольное, активное и сознательное уважение чужого мнения, иных ценностей и стандартов поведения. М.Б. Хомяков [30] решает проблему границ толерантности, выделяя три ее типа — прагматический (практика обретения спокойствия), либеральный (рациональный консенсус свободных людей) и как самостоятельной ценности (**взаимное** уважение и признание). Л.В. Скворцов [27] разработал типологию толерантности в зависимости от существующего в конкретном месте и в конкретное время общественного сознания: тип толерантности соотносится с концептом «свой—чужой» и определяет поведенческие стереотипы участников взаимодействия.

Будучи поликомпонентным явлением, толерантность может быть рассмотрена в рамках диверсификационного подхода, предполагающего разные уровни ее формирования и функционирования применительно к конкретной ситуации, группе и индивиду [25]. Индивидуальные границы толерантности зависят от многих параметров: человеческие качества, широта восприятия, порог сопротивляемости, идентичность и т.д. Б.Р. Могилевич [17] предложила рассматривать толерантность через триаду: «интерес—понимание—уважение» к «чужой/иной» личности, группе, государству, культуре, которые соответствуют эмоциональной, когнитивной и поведенческой составляющей личностно-ориентированного подхода. При таком подходе толерантность проявляется в понимании и уважении различий, в признании равенства личностей, их идентичностей. Толерантность является признаком уверенной идентичности и открытости. Толерантность как социально-субъектное качество индивида актуализируется в его отношениях с представителями других культур, говорящих на другом языке, исповедующих другие религиозные взгляды. В этом смысле толерантность — это осознанная житейская позиция, которая предполагает взаимную ответственность сообщества и индивида в конкретной ситуации.

Цель нашего исследования — выявление уровня этноконфессиональной толерантности населения в полиэтнической среде региона, каким является Саратовская область. В марте 2018 года в области был проведен социологический опрос методом анкетирования квотно-стратифицированной выборки в 1305 человек. В опросе приняли участие жители областного центра (Саратов) и одиннадцати районов Саратовской области: 34,5% — представители младшего поколения, 44% — среднего и 21% — старшего. 85,3% опрошенных — русские. Представители других, типичных для Поволжья национальностей, представлены в меньшей степени: татары (5,5%), туркмены (1,4%), евреи, казахи, башкиры, украинцы и болгары (по 0,7%), армяне, чеченцы, лакцы (по 0,5%), грузины, осетины, дагестанцы, поволжские немцы, молдаване (по 0,2%). Верующими себя назвали 54,6%, четверть затруднились с ответом, и пятая часть верующими себя не считают. Чуть более 40% указали религиозную конфессию: доминирует (81,6%) православие, 16,2% исповедуют ислам, по 1% — иудаизм, буддизм или протестантизм. Основные параметры выборки соответствуют характеристикам генеральной совокупности, что позволяет говорить о репрезентативности данных (ошибка выборки — 2,5%).

Результаты опроса показали, что самый высокий уровень самоидентификации жителей саратовского региона — семейный: 78,2% определяют себя через призму своей семьи и близкого окружения. Чаще других на это указывали лица со средним специальным образованием (83,9%), специалисты (89,2%), ученые (85,7%) и все магистры. Гражданская идентичность проявлена чуть меньше семейной, однако также определяет позиции большинства: 63,3% идентифицируют себя с гражданами России, чаще других так идентифицировали себя респонденты с неоконченным средним (84%) и со средним специальным (76%) образованием. Выделение самохарактеристики «россияне» свидетельствует о том, что она, по сути, замещает прежнее понятие «советский народ» и востребовано общественным мнением как символ этноконфессионального единения и высокой степени толерантности (табл. 1), т.е. высокий уровень толерантности опирается на историческую и социокультурную память советских принципов интернационализма.

Таблица 1

Группы, о которых респондент может сказать «это — мы», %

Идентификационные группы	%
семья, близкие	78,2
граждане России	63,2
россияне	60,2
земляки, жители города, села, области	48,3
люди, строго соблюдающие законы	40
люди той же национальности, что и я	39,1
люди моего поколения	38,4
коллектив моего предприятия	36,3
люди того же достатка, что и я	30,1
люди моей профессии	29,2
люди моей веры, вероисповедания	28,3
люди, лояльные президенту	27,4
советские люди	26,2
люди схожих политических взглядов	22,3
те, кто добился успеха	20,2
менеджеры, управленцы	11,3
люди, разделяющие европейские ценности	11,3

Землячество также проявлено в идентификационных позициях, однако в меньшей степени (48,3%), особенно среди лиц с неоконченным средним образованием (61,5%), с полным средним (54,8%) и средним специальным образованием (57,9%). Однако тот факт, что оно оказалось на четвертом месте свидетельствует об актуальности региональной идентификации, формировании регионального самосознания. Причем чем ниже уровень образования, тем больше население ориентировано на этот критерий самоидентификации. В семерку по наибольшей выраженности вошли также правовая (40%), национальная (39,1%) и поколенческая (38,4%) идентичности. В значительной степени близость с членами трудового коллектива ощущают 36,3% респондентов, с людьми одного достатка — 30%, своей профессии — 34,3% опрошенных. Пороговым маркером в последнем случае выступает высшее образование: имеющие его чаще других ощущают близость с людьми своей профессии: 39,1% — среди бакалавров, 45,7% — среди специалистов, 50% — среди магистров и 57% — среди ученых.

На близость с представителями своей национальности указали 44,2% саратовцев. Чаще других об этом говорили представители со средним специальным образованием (54,3%) и специалисты (46%). Ощущает эту близость каждый второй с неоконченным и полным средним образованием, а также бакалавры (59,6%), специалисты (47,8%) и магистры (53,3%). На отсутствие такой близости в четыре раз чаще других указывали ученые (42,9% против 9,4% по выборке), т.е. чем выше уровень образования, тем тоньше связь с людьми своего этноса. В число наименее проявленных вошли профессиональная, религиозная, ценностная, мировоззренческая и политическая идентичности.

Как показали результаты опроса, уровень этнической толерантности саратовского региона сопоставим с общероссийским и достаточно высок. Более 60% всегда готовы принять человека другой национальности в качестве близкого друга, более 50% — в качестве матери или отца своих детей (табл. 2). Тех, кто ни при каких условиях не готов принимать человека иной национальности, оказалось не более 12%. Причем чем выше уровень образования, тем выше уровень готовности принять человека другой национальности в качестве близкого друга, однако люди с высшим образованием чаще склонны к ситуативному оцениванию такого принятия. В качестве соседа по дому готовы принять человека другой национальности 47,1% опрошенных, особенно лица со средним специальным (55,7%) образованием, специалисты (53,2%), магистры (60%). Негативно к этому относятся преимущественно лица с начальным (50%), неполным средним (7,7%) и общим средним образованием (7,6% при 5,1% в среднем по выборке). В качестве коллеги по работе всегда согласны принять человека другой национальности большинство опрошенных (50,1%) — противоположной точки зрения придерживается 3,9%, преимущественно лица с начальным (50%), общим средним (5,1%), средним специальным (5,7%) образованием и бакалавры (4,2%), которые чаще воспринимают трудовых мигрантов как конкурентов за свое рабочее место. Чем выше уровень образования, тем толерантнее отношения саратовцев с потенциальными или реальными коллегами по работе другой этнической принадлежности. Иными словами, степень принятия человека иной национальности обратно пропорциональна величине социальной дистанции — чем меньше дистанция, тем выше уровень толерантности.

Таблица 2

Принятие человека другой национальности, %

Согласие всегда принять человека другой национальности в качестве...	%
близкого друга	61,1
матери или отца ваших детей	50,6
коллеги по работе	50,1
супруга/супруги	48,7
гостя, туриста в нашей стране	47,6
соседа по дому	47,1
гражданина нашей страны	42,1

Уровень религиозной толерантности населения саратовского региона также высок, но не увязывается с размером социальной дистанции. В качестве близкого друга человека иной веры готовы принять 57,7%, в качестве коллеги по работе — 46,4%, матери или отца своих детей — 46%, соседа — 44,4% (табл. 3). Обнаружилось два вектора принятия человека другой веры в качестве гражданина: по мере повышения образования от начального к среднему специальному это принятие изменялось от полного негативизма (все с начальным образованием) через ситуативное (доминировало у лиц с неоконченным средним — 66,7% — и средним образованием — 51,3%) до полного принятия людьми со средним специальным образованием (45,1%). Среди людей с высшим образованием вектор был иным: от 48,9% бакалавров, полостью принимающих людей другой веры в качестве граждан через ситуационное принятие у специалистов и магистров (51,3% и 58,3%) до неприятия учеными (12,5% против 6,1% в среднем по выборке).

Таблица 3

Принятие человека другой веры, %

Согласие всегда принять человека другой веры в качестве...	%
близкого друга	57,7
коллеги по работе	46,4
матери или отца ваших детей	46
соседа по дому	44,4
гостя, туриста в нашей стране	42,8
супруга /супруги	43,9
гражданина нашей страны	39,1

Подтверждаются эти тенденции данными об окружении респондентов. Так, у 13,6% супруги — представители иной национальности, у 11,3% — иной веры. В родственном кругу у 36,6% опрошенных есть представители иной национальности, у 25,1% — иной веры. Среди друзей у 72,4%, среди коллег у 71,7% и среди соседей у 67,6% встречаются представители другой национальности, более 60% имеют представителей иной веры среди друзей, коллег и соседей (табл. 4). Иными словами, население Саратовской области придерживается принципов межэтнического согласия, и чем шире социальное окружение, тем выше уровень толерантности по этноконфессиональным признакам.

Таблица 4

Наличие представителей других национальностей и вероисповеданий в близком социальном окружении, %

Близкое социальное окружение	Представитель другой национальности	Представитель иной веры
муж или жена	13,6	11,3
круг родственников (племянники, тети, дяди, бабушки...)	36,3	25,1
соседи	67,6	58,2
друзья	72,4	63,2
коллеги	71,7	61,1

Социологический контекст толерантности предполагает диалектическое существование нетолерантности как понятия, противоположного по своей сути и проявляющегося во враждебном отношении индивидов, представителей разных социальных, культурных, политических культур друг другу и к другим группам. Речь идет об этноконфессиональных конфликтах, когда этничность или вера выступают как основание дискриминации, отрицательной установки, неприязни, крайним выражением которых становятся ксенофобия и агрессивный национализм. 77,5% опрошенных не сталкивались с ситуациями нарушения национальных прав (лично или их знакомые), что свидетельствует о стабильности и высоком уровне толерантности населения. О подобных случаях вспомнили 22,4%: 15% слышали от знакомых, 3% — от близких, 4,5% сами оказывались в ситуации национальной дискриминации. Учитывая модальные значения по всем социально-демографическим параметрам можно составить портрет жителя саратовского региона, национальные или религиозные права, которого чаще всего нарушаются: это мужчина старше 56 лет, с низким достатком, чаще армянин (христианин) или дагестанец (мусульманин), проживающий в Октябрьском районе Саратова, Лысогорском, Красноармейском или Саратовском районе Саратовской области.

Было целесообразно рассмотреть ситуации нарушения национальных прав у тех 7,5% респондентов, кто все же сталкивался с такими случаями. По описаниям респондентов, речь обычно идет об оскорблениях или насмешках (48,8%), сложностях при приеме на работу (24,4%), избиениях (12,2%), игнорировании (4,9%), непринятии коллективом (7,3%) и плохом обслуживании (2,4%). Участникам опроса для контроля было предложено из списка действий, имплицитно или напрямую отражающих негативное отношение к представителям их национальности, выбрать те, с которыми они лично сталкивались. Большинство отметили субъективные эмоциональные формы негативного (но не насильственного) отношения по национальному признаку, демонстративное нежелание разговаривать, холодное, отчужденное общение (табл. 5).

Таблица 6

Виды негативных эмоциональных реакций на национальность респондента, с которыми он сталкивался за последние 2—3 года

Виды реакций	%
холодно, отчужденно общались	27,2
демонстративно не желали разговаривать	15,2
делали в мой адрес оскорбительные замечания, насмешки	13
отказывали в получении желаемой работы	11,6
осложняли поступление в вуз или другое учебное заведение	9,8
отказывались продать какой-либо товар	8,9
угрожали физической расправой	8,9
применяли физическое насилие	5,4

Выявлено, по сути, три формы конфликтов, которые можно сопоставить со стадиями их развертывания: в рамках первой формы (63,8%) выказывалось латентное недовольство; в рамках второй (21,9%) — открыто демонстрировалось

негативное отношение; в рамках третьей (14,3%) — прямые угрозы и насильственные действия. Последняя форма отражает высокий уровень межнациональной напряженности, но на территории Саратовской области доля таких проявлений невелика. Более 85,5% опрошенных за последний год не участвовали и не наблюдали конфликтных ситуаций, вызванных национальными разногласиями. Лично участвовали в них 1,2% респондентов, 8,8% наблюдали, а 4,6% слышали о подобных ситуациях от знакомых. Респонденты, которые описывали суть конфликтных ситуаций, обычно говорили о форме одежды или бытовых разногласиях как поводах для конфликта. О случаях нарушения их национальных прав чаще упоминают армяне, лакцы, дагестанцы, реже — русские и татары. О подобных ситуациях, произошедших с их близкими, чаще говорят туркмены, лакцы, евреи и казахи. Слышали о случаях национальной дискриминации чаще татары, болгары, молдаване и осетины. Таким образом, межнациональные отношения саратовцев с представителями кавказских народов более рискогенны, чем с представителями народов, традиционно селившихся на территории области (украинцы, татары, казахи, евреи, башкиры, поволжские немцы).

Религиозные разногласия в конфликтных ситуациях проявлены в еще меньшей степени (не сталкивались с ними 92,6%). Чуть больше 7% знают о подобных случаях лично или слышали о них от других от других. Поводами в таких конфликтах чаще были религиозные ритуалы или нетерпимое отношение к представителям иной веры одной из сторон конфликта.

Все данные свидетельствуют о низком уровне этнорелигиозной конфликтности в Саратовской области. Тем не менее, дискриминационные практики необходимо отслеживать и способствовать их сокращению, на что и направлена национальная политика. Ряд оценочных высказываний, отражающих мнение жителей региона о качестве реализуемой национальной политики, требовал определения меры согласия, где 1 балл отражал полное несогласие, 5 баллов — полное согласие (табл. 6). Самый высокий усредненный балл (3) был выявлен относительно позиции «Власти располагают комплексной стратегией национальной политики и успешно ее реализуют»: 34% с этим согласились. 26% согласились с тем, что, располагая комплексной стратегией, власти неэффективно ее реализуют. Разрозненными и неэффективными стратегии национальной политики в саратовском регионе посчитали 21%. Об отсутствии каких-либо действий в этой области говорят 19%. Модальным значением оказались 3 балла, выражающие частичное согласие с каждым из высказываний. Несмотря на доминирование положительных оценок национальной политики, реализуемой в регионе, она все же нуждается в корректировке для повышения ее эффективности. Видимо, отталкиваясь от собственного опыта, положительную оценку национальной политике в регионе чаще дают поволжские немцы, дагестанцы и башкиры — они все в той или иной степени одобряют эту политику. К ним присоединились каждый второй туркмен, чеченец и армянин. Среди татар доля одобряющих в той или иной степени национальную политику в регионе — 47,8%, среди русских — 34,10%, среди евреев — каждый третий. Вместе с тем все молдаване и лакцы (по 100%), 66,7% украинцев, а также каждый третий русский, еврей и казах считают эту национальную политику в регионе неэффективной.

Современные исследования показывают, что на динамику межэтнических и межконфессиональных отношений в субъектах Российской Федерации оказывают влияние внутренние (демографические, социально-экономические, религиозно-институциональные) и внешние (миграционные, идеологические и пр.) факторы [19. С. 287—307; 27. С. 10]. Все они создают условия для возникновения или снижения межэтнических и межконфессиональных противоречий и напряженности. Исходя из этого, несмотря на низкий уровень конфликтности этноконфессиональных взаимоотношений в Саратовской области, важно отслеживать факторы, которые способствуют или препятствуют нарушению баланса в данной сфере. В ходе корреляционного анализа была выявлена поколенческо-возрастная специфика: чаще всего в ситуации нарушения национальных прав попадали представители старшей возрастной группы (табл. 6). Сам факт меньшей конфликтности среди молодежи демонстрирует позитивную тенденцию в развитии толерантности этноконфессиональных отношений, что согласуется с результатами других исследований [8].

Таблица 6

Случаи этнической дискриминации по возрастам, %

Возрастные интервалы	Наличие случаев нарушения национальных прав			
	да, случилось со мной лично	да, случилось с моими близкими	слышал(а) об этом среди моих знакомых	нет
18—29 лет	2,2	3	14,9	79,9
30—55 лет	5,5	2,2	18,6	73,8
56—86 лет	6	4,8	7,1	82,1
По выборке	4,5	3	15	77,6

О том, что что наблюдали конфликтные ситуации за последний год или слышали о них от знакомых, чаще говорят представители младшей возрастной группы (табл. 7), что может свидетельствовать либо о частоте подобных ситуаций в молодежной среде, либо об обостренном восприятии младшим поколением подобных случаев, а также о реакции молодежи на этноконфессиональную несправедливость, отражаемую в СМИ, особенно в интернет-пространстве. О том, что лично участвовали в конфликтах на национальной почве, чаще заявляют представители среднего поколения. В целом чем старше население, тем реже оно сталкивается с реальными этноконфликтами, возможно, в силу меньшей мобильности и коллективной памяти о советском интернационализме.

Таблица 7

Столкновение с конфликтами на национальной почве по возрастам, %

Возрастные интервалы	Столкновение за последний год с конфликтной ситуацией, вызванной национальными разногласиями			
	нет	да, я лично участвовал	да, я лично наблюдал подобное	да, слышал об этом от моих знакомых
18—29 лет	81,9	0,7	11,4	6
30—55 лет	87	1,6	7,3	4,2
56—86 лет	88,2	1,1	7,5	3,2
По выборке	85,5	1,2	8,8	4,6

Низкий уровень конфликтогенности сказывается на мнении поколений об эффективности национальной политики в регионе. Среди представителей младшего поколения с этим согласились чуть более 28% респондентов. Критичнее других оказались представители среднего поколения — 36,3% из них в той или иной мере считают ее неэффективной, хотя почти такова же доля тех, кто поддерживает усилия региональной власти в данном направлении (36,4%). В группе старших поколений солидарны с этой позицией 44%. Чем старше респондент, тем чаще он полностью согласен с тем, что региональные власти успешно реализуют стратегию национальной политики в Саратовской области.

Хотя и мужчины, и женщины в большинстве случаев говорят о том, что не сталкивались с ситуациями дискриминации по национальному или религиозному признаку, среди мужчин, тех, с кем это случалось лично, в два раза больше, чем среди женщин. Среди женщин в два раза больше тех, с кем это случалось в их близком окружении.

Уровень жизни также влияет на распространенность случаев национальной и религиозной дискриминации: чем ниже уровень жизни, тем чаще упоминаются случаи дискриминации. Так, в группе с самым низким уровнем жизни («едва сводим концы с концами») чуть более 27% упоминают, что случаи нарушения национальных или религиозных прав случались с ними лично, в группах с высоким уровнем жизни о подобных ситуациях вообще никто не упоминал. Иными словами, чем выше уровень жизни, тем реже саратовцы непосредственно сталкиваются с нарушением национальных прав, однако чаще имеют такую информацию от знакомых (за исключением самых состоятельных).

Что касается влияния района проживания на распространенность случаев этнической дискриминации, то случаи нарушения своих национальных прав чаще упоминали жители Октябрьского района Саратова, Красноармейского района, Саратовского района и Лысых гор. О подобных ситуациях с близкими людьми чаще говорят жители Волжского и Октябрьского районов Саратова, слышали о подобных ситуациях чаще проживающие в Заводском районе Саратова, а также Петровском и Пугачевском районах области. Также можно отметить, что чаще всего по совокупному проценту с подобными ситуациями сталкивались жители Октябрьского района Саратова (более 50% опрошенных). Кроме того, из числа опрошенных жителей Фрунзенского района Саратова и Балтайского района Саратовской области никто о подобных ситуациях не упоминал. Следовательно, территориальный фактор сказывается на этноконфессиональных отношениях и целесообразно более пристально наблюдать за развитием ситуаций в выявленных рискогенных районах. Тем более что более 50% опрошенных жителей Саратовского района, около 60% Балтайского, 42% Красноармейского районов области и 56% Фрунзенского района Саратова полагают, что власти региона не располагают комплексной эффективной стратегией национальной политики.

Таким образом, результаты исследования — относительно низкий уровень значимости этнической и религиозной идентичностей — свидетельствует об их слабой актуализированности для саратовцев, что подтверждается важностью самоидентификации как «россиянина», видимо, как символа межнационального единения и высокой степени толерантности. Степень принятия человека иной национальности оказалась обратно пропорционально величине социальной дистанции, а религиозная толерантность населения хотя также высока, но не связана с величиной социальной дистанции. Соответственно, подавляющее большинство саратовцев не оказывались лично в ситуациях нарушения своих национальных или религиозных прав, но даже те, кто сталкивался с национальной или религиозной дискриминацией, как правило, не упоминают прямые и активные формы негативного конфликтного этнорелигиозного взаимодействия, что подчеркивает достаточно высокий уровень толерантности в Саратовской области. Чем моложе население, тем реже оно лично сталкивается с нарушениями своих национальных прав, но острее на них реагирует. Чем ниже уровень жизни семьи, тем чаще люди лично сталкиваются с проявлениями национальной или религиозной дискриминации. Больше всего упоминаний о конфликтных ситуациях по национальному признаку фиксируется в Красноармейском и Саратовском районах области, которые можно отнести к наиболее рискованным с точки зрения возможных проявлений этноконфессиональной нетерпимости, а потому на этих районах следует сфокусировать мероприятия в рамках реализации региональной стратегии национальной политики.

Библиографический список

- [1] *Арутюнова Е.М.* Запросы населения в сфере языка и культуры в Республике Татарстан // ИНАБ. 2017. № 3.
- [2] *Батагова Л.Х.* Религиозный экстремизм и проблемы этноконфессиональной толерантности на Северном Кавказе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 118.
- [3] *Батарчук Д.С.* Толерантность как социально-психологический феномен этнически диверсифицированного общества // Вестник ТГПУ. 2010. № 5.
- [4] *Горина М.* Терпение и толерантность. Одного ли «поля» эти «ягоды»? // Логос: молодежная православная газета. 2007. № 1.
- [5] *Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра* / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2013.
- [6] *Дробижева Л.М.* и др. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2016.
- [7] *Дробижева Л.М.* Гражданская и этнонациональная идентичность как ресурс консолидации общества // Роль и место национально-культурной автономии в гармонизации межэтнических отношений в регионах России. Казань, 2017.
- [8] *Дробижева Л.М., Кошарная Г.Б.* Актуальная идентичность и межэтнические отношения в поволжском регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2016. № 4.
- [9] *Кант И.* Критика способности суждения. СПб., 1989.
- [10] *Каплан В.* Толерантность: христианский взгляд // Фома. 2013. № 3.

- [11] *Касьянова Е.И.* Нравственный механизм детерминации толерантности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 75.
- [12] *Колесова С.В.* Воспитание толерантности у студенческой молодежи // Молодой ученый. 2012. № 4.
- [13] *Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е.* Диагностический подход к мониторингу рисков межнациональной конфликтности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. М., 2012.
- [14] *Лурье С.В.* Кризису вопреки: возрождение сценария «Дружбы народов» // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего. СПб., 2017.
- [15] Межэтническая напряженность в меняющемся социальном контексте: результаты исследования / отв. ред. М.Ф. Черныш. М., 2017.
- [16] *Мезенцев Е.А.* Проблема границ толерантности // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 8.
- [17] *Могилевич Б.Р.* Межкультурная коммуникация в системе социологического знания. Саратов, 2008.
- [18] *Морозова Н.М.* Адаптация мигрантов на региональном уровне: ключевые проблемы // Актуальные вопросы перспективных научных исследований. Смоленск, 2017.
- [19] *Мчедлова М.М.* Религиозно-мировоззренческий фактор и межнациональные отношения в России // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2. № 3.
- [20] *Мчедлова М.М.* Религия и общество в современной России: поиск единства // Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.
- [21] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [22] *Николсон П.П.* Толерантность как моральный идеал // Толерантность. Исследования. Переводы. Информация / науч. ред. М.Б. Хомяков. Екатеринбург, 2001.
- [23] *Новикова Т.* Проблемы толерантности в современном обществе и журналистика // RELGA. 2005. № 12.
- [24] *Ольховиков К.М.* Толерантность через конфликт: власть религии в зеркале социологии морали // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 2.
- [25] *Петтай И.* Взаимная толерантность эстонцев и не эстонцев // Интеграция эстонского общества. Мониторинг 2000. Таллин, 2000.
- [26] *Семашко М.А.* Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках // <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm>.
- [27] *Скворцов Л.П.* Толерантность: иллюзия или средство спасения // Октябрь. 1997. № 3.
- [28] *Сосковец Л.И.* Религиозная толерантность и свобода совести: история и теория вопроса // Известия ТПУ. 2004. № 2.
- [29] *Сушко П.Е.* Возможности прогнозного моделирования межэтнических отношений в российских регионах на примере изучения диаспорных и земляческих групп // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений. Краснодар, 2017.
- [30] *Хомяков М.Б.* Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2.
- [31] *Цверганишвили Г.О.* О толерантности в межнациональных отношениях // RELGA. 2013. № 8.
- [32] *Циприс А.* Толерантность означает терпимость // <http://pokolenie-x.com/?p=23029>.
- [33] *Чебыкина О.А.* Историко-методологический анализ проблемы толерантности // Медицина и образование в Сибири. 2013. № 1.

The level of ethnic-confessional tolerance in the Saratov Region*

I.A. Beginina¹, S.G. Ivchenkov¹, M.S. Ivchenkova²,
N.V. Shakhmatova¹

¹Saratov State University
Bolshaya Kazachya St., 120, bldg. 7, Saratov, Russia, 410012

²Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, bldg. 5, Moscow, Russia, 117218
(e-mail: begininaia@info.sgu.ru; ivchenkovsg@mail.ru;
m.ivchenkova@gmail.com; nadezhdashakhmatova@yandex.ru)

Abstract. Ethnic-confessional relationships in multiethnic regions are dynamic and influenced by globalization and the growth of horizontal mobility, and also by everyday practices. All these factors structure the public opinion in a certain way and determine the degree of tolerance of the regions and Russia as a whole. The article aims at assessing the level of ethnic-confessional tolerance in the multiethnic Saratov Region. The article presents the results of the sociological survey conducted in March 2018 in the city of Saratov and eleven districts of the Saratov Region. According to the survey's results, the degree of acceptance of a person of a different nationality is inversely proportional to the size of social distance. The level of the religious tolerance is also high, but does not correlate with the size of social distance. According to the data, the vast majority of respondents did not encounter violations of national or religious rights, and among those who actually experienced national discrimination (personally or in close social circle) it was expressed in the form of ignoring, insulting, difficulties when looking for employment, threats and physical abuse. In general, the low prevalence of direct forms of negative ethnic-religious attitudes proves the high level of tolerance in the Saratov Region. Interethnic relations of the Saratovites with representatives of the Caucasian peoples are more prone to conflicts than with representatives of peoples traditionally settled in the region (Ukrainians, Tatars, Kazakhs, Jews, Bashkirs, Volga Germans). Despite the prevailing positive assessments of the national policy, it still needs to take into account the features of the Saratov Region.

Key words: tolerance; public opinion; ethnic tolerance; confessional tolerance; identity; conflict

References

- [1] Arutyunova E.M. Zпросы naseleniya v sfere yazyka i kultury v Respublike Tatarstan [Requests of the population in the field of language and culture in the Republic of Tatarstan]. *INAB*. 2017; 3 (In Russ.).
- [2] Batagova L.Kh. Religiozny ekstremizm i problemy etnokonfessionalnoy tolerantnosti na Severnom Kavkaze [Religious extremism and problems of ethno-confessional tolerance in the North Caucasus]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2009; 118 (In Russ.).
- [3] Batarchuk D.S. Tolerantnost kak sotsialno-psikhologichesky fenomen etnicheski diversifitsirovannogo obshchestva [Tolerance as a social-psychological phenomenon of ethnically diversified society]. *Vestnik TGPU*. 2010; 5 (In Russ.).

* © I.A. Beginina, S.G. Ivchenkov, M.S. Ivchenkova, N.V. Shakhmatova, 2019.
The article was submitted on 23.01.2019. The article was accepted on 23.04.2019.

- [4] Gorinova M. Terpenie i tolerantnost. Odnogo li “polya” eti “yagody”? [Patience and tolerance. Are they ‘berries’ from the same ‘field’?]. *Logos: molodezhnaya pravoslavnyaya gazeta*. 2007; 1 (In Russ.).
- [5] *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regionalnaya identichnost: vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, and Tomorrow]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [6] Drobizheva L.M. i dr. *Mezhnatsionalnoe soglasiye kak resurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva* [Interethnic Harmony as a Resource of Consolidation of the Russian Society]. Otv. red. L.M. Drobizheva. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [7] Drobizheva L.M. *Grazhdanskaya i etnonatsionalnaya identichnost kak resurs konsolidatsii obshchestva* [Civil and ethnic-national identity as a resource of consolidation of society]. *Rol i mesto natsionalno-kulturnoy avtonomii v garmonizatsii mezhnatsionalnykh otnosheniy v regionakh Rossii*. Kazan; 2017 (In Russ.).
- [8] Drobizheva L.M., Kosharnaya G.B. Aktualnaya identichnost i mezhetnicheskie otnosheniya v povolzhskom regione [Actual identity and interethnic relations in the Volga Region]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region*. 2016; 4 (In Russ.).
- [9] Kant I. *Kritika sposobnosti suzheniya* [Critique of judgment]. Saint Petersburg; 1989 (In Russ.).
- [10] Kaplan V. Tolerantnost: khristiansky vzglyad [Tolerance: A Christian perspective]. *Foma*. 2013; 3 (In Russ.).
- [11] Kasyanova E.I. Nravstvenny mekhanizm determinatsii tolerantnosti [Moral mechanism of tolerance determination]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2008; 75 (In Russ.).
- [12] Kolesova S.V. Vospitanie tolerantnosti u studencheskoy molodezhi [Teaching students of tolerance]. *Molodoy Ucheny*. 2012; 4 (In Russ.).
- [13] Kuznetsov I.M., Khukhlaev O.E. Diagnostichesky podkhod k monitoringu riskov mezhnatsionalnoy konfliktnosti [A diagnostic approach to the monitoring of ethnic conflict risks]. *Sotsiologiya i obshchestvo: globalnye vyzovy i regionalnoe razvitie*. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [14] Lurie S.V. Krizisu vopreki: vozrozhdenie stsenariya “Druzhby narodov” [Contrary to the crisis: A revival of the ‘peoples’ friendship’ scenario]. *Globalny mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego*. Saint Petersburg; 2017 (In Russ.).
- [15] *Mezhnatsionalnaya napryazhennost v menyayushchemsya sotsialnom kontekste: rezultaty issledovaniya* [Inter-Ethnic Tensions in the Changing Social Context: Results of the Study]. Otv. red. M.F. Chernysh. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [16] Mezentsev E.A. Problema granits tolerantnosti [The problem of tolerance limits]. *Mezhdunarodny Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal*. 2015; 8 (In Russ.).
- [17] Mogilevich B.R. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya v sisteme sotsiologicheskogo znaniya* [Intercultural Communication in the System of Sociological Knowledge]. Saratov; 2008 (In Russ.).
- [18] Morozova N.M. Adaptatsiya migrantov na regionalnom urovne: klyuchevye problem [Adaptation of migrants at the regional level: Key challenges]. *Aktualnye voprosy perspektivnykh nauchnykh issledovaniy*. Smolensk; 2017 (In Russ.).
- [19] Mchedlova M.M. Religiozno-mirovozzrenchesky faktor i mezhnatsionalnye otnosheniya v Rossii [Religious-ideological factor and interethnic relations in Russia]. *Nauchnyy Rezultat. Seriya: Sotsiologiya i Upravlenie*. 2016; 2 (3) (In Russ.).
- [20] Mchedlova M.M. Religiya i obshchestvo v sovremennoy Rossii: poisk edinstva [Religion and society in contemporary Russia: In search for unity]. *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Kn. 5. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [21] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears and concerns of Russian students: An empirical study]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [22] Nicholson P.P. Tolerantnost kak moralny ideal [Tolerance as a moral ideal]. *Tolerantnost. Issledovaniya. Perevody. Informatsiya*. Nauch. red. M.B. Khomyakov. Ekaterinburg; 2001 (In Russ.).

- [23] Novikova T. Problemy tolerantnosti v sovremennom obshchestve i zhurnalistika [Issues of tolerance in contemporary society and journalism]. *RELGA*. 2005; 12 (In Russ.).
- [24] Olkhovikov K.M. Tolerantnost cherez konflikt: vlast religii v zerkale sotsiologii morali [Tolerance through conflict: The power of religion in the mirror of sociology of morality]. *Voprosy Politologii i Sotsiologii*. 2012; 2 (In Russ.).
- [25] Pettai I. Vzaimnaya tolerantnost estontsev i ne estontsev [Mutual tolerance of Estonians and non-Estonians]. *Integratsiya estonskogo obshchestva. Monitoring 2000*. Tallinn; 2000 (In Russ.).
- [26] Semashko M.A. Razvitie termina “tolerantnost” v gumanitarnykh naukakh [Development of the term ‘tolerance’ in Humanities]. <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm> (In Russ.).
- [27] Skvortsov L.P. Tolerantnost: illyuziya ili sredstvo spaseniya [Tolerance: Illusion or a means of rescue]. *Oktyabr*. 1997; 3 (In Russ.).
- [28] Soskovets L.I. Religioznaya tolerantnost i svoboda sovesti: istoriya i teoriya voprosa [Religious tolerance and freedom of conscience: History and theory]. *Izvestiya TPU*. 2004; 2 (In Russ.).
- [29] Sushko P.E. Vozможности prognoznogo modelirovaniya mezhetnicheskikh otnosheniy v rossiyskikh regionakh na primere izucheniya diaspornykh i zemlyacheskikh grupp [Possibilities of predictive modeling of interethnic relations in the Russian regions on the example of the study of diasporas and nation-community groups]. *Etnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsionalnykh otnosheniy*. Krasnodar; 2017 (In Russ.).
- [30] Khomyakov M.B. Tolerantnost i ee granitsy [Tolerance and its limits]. *Natsionalny Psikhologichesky Zhurnal*. 2011; 2 (In Russ.).
- [31] Chorionicvillus G.O. O tolerantnosti v mezhnatsionalnykh otnosheniyakh [On tolerance in interethnic relations]. *RELGA*. 2013; 8 (In Russ.).
- [32] Tsipris A. Tolerantnost oznachaet terpimost [Tolerance means toleration]. <http://pokolenie-x.com/?p=23029> (In Russ.).
- [33] Chebykina O.A. Istoriko-metodologicheskyy analiz problemy tolerantnosti [Historical-methodological analysis of tolerance]. *Meditcina i Obrazovanie v Sibiri*. 2013; 1 (In Russ.).